

УДК 821.161.1-054.72
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-008.6

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

Н. Л. Блищ

Минск, Республика Беларусь

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты творчества И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, В. Ходасевича, А. Ремизова, В. Сирина, связанные с переосмыслением биографических легенд и художественных образов классиков русской литературы XIX века. Цель статьи — раскрыть стилиевые пути и способы «присвоения» эмигрантами первой волны классических стилиевых приемов, сюжетов, литературных схем. Комментируются психоаналитические предпосылки стилистического перевоплощения, выявляются приемы автопроекции. Обсуждаются, в частности, примеры сближений фактов своей биографии с событиями из жизни предшественника, к которым прибегает И. Бунин в книге «Освобождение Толстого». В жизнеописании А. С. Пушкина и ряде пушкиноведческих статей Вл. Ходасевича отчетливо проступают элементы его собственного «автопортрета». Показано, что И. Шмелев перенял некоторые мотивы прозы и стилиевые приемы Ф. М. Достоевского, спроецировав на собственную персону эмблематические черты писателя-пророка. С этих же позиций анализируется книга «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева: в ней автор «Отцов и детей» представлен религиозным писателем-мистиком. Показательна и книга «Огонь Вещей» А. Ремизова, в которой развернут металитературный миф о Н. В. Гоголе, причем ключевые элементы этого мифа можно считать конспиративными проявлениями авторефлексии самого Ремизова.

Сделан вывод о том, что металитературность в русской литературе первой половины XX века вообще, особенно в эмигрантском ее крыле, становится одной из важнейших стилиевых тенденций.

Ключевые слова: литература эмиграции; русская эмиграция; русская литература; биографии писателей; автопроекция; литературное творчество; рефлексия; металитературность.

N. L. Blishch

Minsk, Belarus

IMPERSONATION AS A WAY OF SELF-IDENTIFICATION IN LITERATURE OF THE FIRST “WAVE” RUSSIAN EMIGRANTS

Abstract. The article discusses some aspects of creative works by I. Bunin, I. Shmelyov, B. Zaitsev, V. Khodasevich, A. Remizov and V. Nabokov devoted to the Russian writers of the XIXth century. Those works are viewed as a result of *émigré* writers' desire to “fit in” the authoritative cultural forms, models and types. It is reflected both in “appropriation” of known literary plots and skills and in aspiration for “impersonating” classical writers themselves. Some psychoanalytic premises of the desire to impersonate a predecessor are commented as well as basic methods of autoprojective modelling of images. In particular, the article deliberates on approximating the facts of one's biography with predecessor's life, which is done by I. Bunin in his “*The Liberation of Tolstoy*”. Certain aspects of V. Khodasevich's self-portrait inspire in the biography of A. Pushkin and some articles dedicated to Pushkin studies. The author argues that I. Shmelyov had adopted some motives and stylistic methods of F. Dostoevskiy's writings by extrapolating the emblematic features of the prophet-writer on his own personality. “*Turgenev's Life*” by B. Zaytsev is reviewed from a similar position: the author of “*Fathers and Sons*” is presented as a religious mystic. Another example is “*The Fire of Things*” by A. Remizov propagating a metaliterary myth about N. Gogol. The key elements of this myth may be viewed as a secret manifestation of A. Remizov's inner artistic self.

The final conclusion is that metaliterary reflection has become one of the most influential stylistic tendencies in Russian Literature of the first half of the XX century especially in its *émigre wing*.

Keywords: literature of emigrants; Russian emigrants; Russian literature; biography of writers; self-projection; writing; reflection; metaliterariness.

Для многих русских писателей-эмигрантов первой волны литература стала единственной подлинной реальностью, она воспринималась как индивидуальное, интимное занятие, отчасти компенсирующее их острую ностальгию, тоску по родине. Именно в эмиграции (и благодаря «ситуации изгнания») главной темой для многих писателей становится русская классика. Наряду с основными проектами, связанными с воссозданием собирательного образа России в книгах воспоминаний, в эмигрантском сообществе возникает идея заново осмыслить вершины русской литературной классики, создать серию биографических портретов крупнейших писателей XIX — начала XX века.

И. А. Бунин, участвуя в этом проекте, взялся за жизнеописание Л. Н. Толстого. Оказалось, что не только ключевые темы классика (жизни, любви и смерти, исторической памяти, губительной природы страсти), но и многие его художественные приемы,

да и сама личность Толстого были близки Бунину. Исследовав обстоятельства жизни и художественные тексты писателя, прочитав его дневники, а также дневники С. А. Толстой и многочисленные воспоминания современников, Бунин создал в книге «Освобождение Толстого» (1937) яркую, хотя и во многом пристрастную, подчеркнуто «персональную» версию образа писателя, дал творческий портрет «своего Толстого».

И. Бунин настойчиво выстраивает авторефлексивные проекции, соотносит факты биографии писателя-предшественника с собственной судьбой. Таковы в его интерпретации появление на свет в родовом имении, дворянский статус и то обстоятельство, что Толстой так и не окончил университет, а сам Бунин — гимназию. Два раза зеркально упоминают мотив знакомства отца Бунина с Толстым в ходе севастопольской кампании, хотя факт этот биографами Бунина не подтверждается. В походке и

статьи Толстого Бунин замечает нечто общее со своим отцом, и даже «очень большие уши» и «бугры бровных дуг» над «волчьими глазами» кажутся ему хорошо знакомыми. И. Бунин внимательно рассматривает художественные портреты Толстого, отмечает, как и во что одет его предшественник (барин, щеголь, помещик), подмечает непринужденные позы классика, обращает внимание на то, что на одном из портретов у писателя в руке — папироса. Вспомним, что сам Бунин очень любил фотографироваться — в шляпе, с тростью, в плаще. Бунин, признававшийся, что «плакал, пища конец» рассказа «Господин из Сан-Франциско», отмечал, что и Толстой мог в любую минуту горячо и умиленно заплакать.

Вот пример художественного переноса особенностей психотипа самого Бунина. Как известно, Бунин часто выражал эмоции при помощи обценной лексики. Ссылаясь на воспоминания анонима, знавшего Толстого, Бунин пишет: «Вообще Толстого нельзя было причислить к таким людям, у которых язык не поворачивается сказать грубое слово. Он и глубоким стариком, рассказывая какой-нибудь анекдот при дамах, способен был свободно произносить такие слова, которые обычно говорят только обиняком. Горький при первом знакомстве с Толстым даже обиделся, полагая, что это для него, для пролетария, Толстой говорил таким языком. Горький обиделся напрасно. Толстой, передавая, например, мужицкую речь, не стеснялся иногда самых грубых выражений и при всяких собеседниках» [Бунин 1937: 139].

Подлинная жизнь художника открывалась большому писателю-эмигранту не столько в сплетении социально-бытовых реалий, сколько в глубинных тематических узорах его творчества. В этом отношении показательна позиция В. Ф. Ходасевича, который настаивал на глубинном скрытом автобиографизме пушкинского наследия, считая, что поэзия есть «проекция человеческого пути» [Ходасевич 1924: 119]. Хотя многолетняя работа над жизнеописанием Пушкина осталась незавершенной, в ее фрагментах отчетливо проступают элементы «автопортрета»: в некоторых гранях образа Пушкина Ходасевич невольно запечатлел собственные «отражения». Например, сюжет о пушкинской няне-Музе превращается в его поэзии в повторяющийся мотив о тульской кормилице-крестьянке Елене Кузиной, привившей любовь к русскому языку. Ходасевич — страстный любитель преферанса и покера — пишет в 1928 г. статью о Пушкине-картежнике («Пушкин, известный банкомет»), а по свидетельству Н. Берберовой он составляет «донжуанский список»¹.

В серии пушкиноведческих статей поэт высказывал предположения об автореминисцентной природе некоторых сюжетов и мотивов произведений Пушкина. Он считает, что стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу...», где дано описание публичного кладбища на окраине Петербурга — воплощение всего пошлого и лживого, показывает от-

ношение Пушкина к «свинскому Петербургу». Восприятие Пушкина было у Ходасевича столь личным, что он подмечает и додумывает примеры неприятия и противостояния Пушкина петербургским эстетам, выдавая за этим свое мировосприятие. В пушкинских художественных приемах и образах (многие из них были унаследованы самим Ходасевичем) поэт видел отражение внутреннего мира художника, поскольку и в его собственной поэзии мотивы и образы «просвечивали» жизненными «черновиками».

Ходасевич демонстративно отказался участвовать в эмигрантских Пушкинских днях 1937 года, приуроченных к 100-летию со дня смерти поэта. В рамках мероприятия о Пушкине тогда много писали политики, публицисты, богословы, беллетристы. Ходасевич внимательно прочитывал всю эмигрантскую пушкинистику, педантично и зло указывал на текстологические и смысловые ошибки. Например, в рецензии на статью богослова С. Булгакова «Жребий Пушкина», опубликованной в газете «Возрождение» в 1937 г., он язвительно замечает: «Моя пушкинистская совесть была бы неспокойна, если бы я скрыл, что и в этой работе найдется некоторое количество неточностей, задевающих пушкинистский слух. Так, 18-й стих “Пророка” читается не “И жало мудрое змеи”, а “И жало мудрыя змеи”: эпитет относится не к жалу, а к змее, и дан не в винительном падеже среднего рода, а в архаической форме родительного падежа женского рода; Н. Н. Гончарова не была фрейлиной в девичестве и, конечно, не могла ею стать, когда сделалась Н. Н. Пушкиной; стихотворение “Красавица (В альбом Г***)” отнюдь к ней не относится...» [Ходасевич 1996–1997: 402]. Ходасевич категорически не согласен с о. Сергием Булгаковым, связывающим трагический конец жизни поэта не с объективными обстоятельствами, а с сознательным выбором своего жребия.

И. С. Тургенев был одним из любимых писателей Б. Зайцева, который написал около двух десятков статей о роковой судьбе классика, придав символистскую интерпретацию его лирическим произведениям. В книге «Жизнь Тургенева» (1932) Зайцев создал художественный образ религиозно настроенного писателя-мистика, что соответствовало его собственному мировоззрению.

Зайцев тщательно выписал сцену примирения Тургенева с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне в 1875 г. Благодушно настроенный Л. Н. Толстой специально проиграл гостю партию в шахматы. О знаменитых тургеневских барских позах ни слова — только смиренность и простота. И фазанов, бекасов и вальдшнепов на прогулке стреляет не заядлый охотник Тургенев, а ласковый Толстой. Закономерно, что автор акцентирует внимание на разговоре о страхе смерти: «Стали шутить насчет того, кому первому выпадет жребий смерти. Тургенев тоже смеялся. А потом поднял руку и сказал: — Qui craint la mort, lève la main! Никто не понял, кроме Льва Толстого: — Eh bien, moi aussi je ne veux pas mourir» [Зайцев 1999: 119]. Б. Зайцев показывает, с каким смирением принимает Тургенев неотвратимость ухода, как страдает от страшных болей и как в муках дописывает последнюю свою повесть «Клара Милич» о неразделенной любви и мистической связи после смерти.

¹ См.: Тема «Ходасевич и Пушкин» глубоко исследована в монографии И. Сура [Сура 1994].

Зайцев не сомневается в подлинности (мазохистской по сути) любви русского писателя к великой певице, искренне верит в миф о том, что именно чувства к Полине Виардо были причиной добровольного изгнания Тургенева.

И. Шмелев считал себя прямым наследником Ф. М. Достоевского. Он не только развивал некоторые мотивы прозы классика, но и перенял его стилистические приемы и даже спроецировал на собственную персону некоторые черты личности писателя-пророка, что особенно ощутимо в его незаконченном романе «Пути небесные» и в очерке «О Достоевском», написанном как предисловие к изданию романа «Идиот». В дни празднования пушкинского юбилея в 1937 году в Париже Шмелев выступал с докладами на торжественных заседаниях, копируя стиль и пафос речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве в 1881 г. Сам он, вспоминая свои страстные высказывания, проводил такую историческую параллель: «Такая же — почти — “ошибка” Достоевского (о, не смею равняться! (8 VI 1880)! — раскалил, оглушил, унес, воз-нес! и — быстро пришли в себя... и подивились: “что за наважденье!..”» [Ильин 2000: 334].

Стилевой профиль Шмелева во всем напоминает Достоевского, и лишь одна особенность — доминирование гастрономической образности — выдает в нем гоголевский ген. Это и было подмечено писателем-эмигрантом А. М. Ремизовым, ревниво относившимся ко всем, кто посягал на Гоголя. Пародийная оценка Ремизова очерков «Лето Господне» предсказуема: «Шмелев писал о прошлом величии России: как на праздники ели и какие и где в Москве можно было достать продукты. И на чем я его застигну, про то он мне и рассказывает — о балыках, о осетрине, о копченой и о свежей рыбе в садках, и лавочников перечислит и лавки» [Ремизов 2002: 130].

Ярким примером растворения специфических приемов Шмелева в стилистике Достоевского может послужить гастрономическая метафорика из письма к Ильину. О преждевременной смерти Достоевского Шмелев писал: «Какой страстный, ре-жу-щий ум! Какой ... зонд! Как много читал! Подумать: умер в 60 лет! Что бы натворил!.. Ведь все — заготовка была, а “к столу”-то обеда так и не подал: все еще было “в кухне”! Ему, может быть и легко, повару-то ... знает сыть-вкус (и как будет перевариваться), а “господа” (читатели) — обижены ... судьбой и кончиной повара. Все его творчество — только стряпня, гениальная ... еще не вылит “пломбир” в форму, еще только больше соуса, а ... отбивные еще ждут плиты...» [Ильин 2000: 163–164].

Н. В. Гоголь — центральный герой литературоведческих эссе А. М. Ремизова в книге «Огонь Вещей». Его суждения о Гоголе — это конспиративная форма авторефлексии: постигая «тайну Гоголя», Ремизов приоткрывает альковы собственных мотиваций, соответственно его комментарии к Гоголю, по сути, читаются как автокомментарии. Используя матрицу страдающего художника, Ремизов раскрашивает свой миф сюжетами о «бесноватом» и «лунном» Гоголе-сновидце, дополняя и развивая мысли А. Бема о роли вытесненных желаний и сновидений в творче-

ском процессе и о том, что многие яркие картины в произведениях Гоголя связаны с проявлением различных форм душевной болезни. Уравнивание творчества и безумия — устойчивая метафора в модернизме, а для Ремизова-символиста — важнейший смысловой комплекс.

С самого начала Ремизов идет на нарочито открытые биографические сближения с Гоголем и использует различные формы металитературной микрии. Одержимость игрой, нарочитая театральность, страсть к лицедейству и мистификациям — все это суть демонстративные компоненты биографического текста Гоголя, однако в еще большей степени они присущи самому Ремизову, который оправдывал свои «безобразия» унаследованной от Гоголя «веселостью духа» [Ремизов 1954: 8].

Стержневым мифотворческим сюжетом Ремизова стала легенда о «птичьей» этимологии собственной фамилии. Кажется несколько странным, что Ремизов — любитель розыгрышей и мистификаций — настойчиво избегал интерпретационных параллелей своей фамилии с карточным приемом («ремизить» — вводить в заблуждение, «вводить в ремиз» — подсиживать), а настаивал именно на «птичьей» версии, невзирая на буквенные различия. Автобиографическую легенду Ремизов начинает колядкой о «Ремизе-птице», которая сюжетно восходит к словарной статье Даля: «Ремез — пташка *Parus pendulinus*, из рода синичек, которая вьет гнездо кошелем; за искусство ее зовут первой пташкой у Бога» [Даль 2003: 91]. Присутствует в словаре Даля и толкование другой птицы: Гоголь — «близкий крохалю красивый нырок или утка *Fuligula*, круглоклювая» [Даль 2003: 364].

Как известно, у писателя была двойная фамилия Гоголь-Яновский, однако в качестве литературного имени он предпочел первую часть. Возможно артистической натуре писателя больше импонировало переносное значение фамилии: «гоголь — щеголь, франт, волокита» и известная поговорка: «Он гоголем ходит — хватом, франтом, самодовольно, подняв голову» [Даль 2003: 364]. Психолог начал XX века И. Ермаков, с работами которого, судя по многочисленным незакавыченным цитациям, Ремизов был знаком, проводит интересную параллель: «Гоголь — показывающий себя гусь-самец, а Чичек — показывающий себя щеголь» [Ермаков 1924: 178]. Отталкиваясь от рифмы «гоголь-щеголь», Ремизов делает довольно смелый вывод об обусловленной фамилией нарциссической сосредоточенности Гоголя. Эмоционально-смысловые доминанты в биографическом тексте Ремизова воспроизводят мотивы орнитологического родства с Гоголем. Птичьи фамилии, метафоры, образы в произведениях Гоголя Ремизов воспринимает как знаки авторского присутствия. Ремизов сознательно культивировал собственное птицеподобие, часто используя образ птицы в автошаржах.

Вспомним, что у обоих художников мир всегда определяется слухом и голосом. Гоголь запечатлен в мемуарах как пересмешник, легко имитирующий интонации, что не ускользнуло от внимания Ремизова: «Обладая необычайной магической силой сло-

ва, Гоголь знал и волшебство голоса — звучание слова» [Ремизов 1954 : 12]. Сам Ремизов «подбирал слова по слуху», отсюда и параллельные гоголевским собственные ощущения «благодати видения слова», что позволяло раскрывать потенциальные возможности языкотворчества.

Герой В. Набокова из романа «Приглашение на казнь», работая в мастерской детских игрушек, «занимался изготовлением мягких кукол для школьников, — тут был маленький волосатый Пушкин в бекешке, и похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете, и старичок Толстой, толстоносенький, в зипуне, и множество других ...» [Набоков 2004: 58]. Игрушечные образы русских писателей в сочетании с темами романа о сознании художника, о степени его внутренней и внешней свободы, (а Набоков всегда писал о том, что художественная действительность всегда «больше истинной действительности»), вызывают стойкую ассоциацию с металитературными проектами в русской эмигрантской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунин И. А.* Освобождение Толстого. — Paris: YMCA-PRESS, 1937. — 261 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык — Медиа, 2003. — Т. 1. — 699 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык — Медиа, 2003. — Т. 4. — 683 с.
- Ермаков И. Д.* Очерки по психоанализу творчества Н. В. Гоголя. — М.; Петроград : Госиздат, 1924. — 178 с.
- Зайцев Б. К.* Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 5. — 544 с.
- Ильин И. А.* Переписка двух Иванов (1947–1950) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000. — Т. 3. — 525 с. — (Собрание сочинений).

Набоков В. В. Русский период: собр. соч.: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. — СПб.: Симпозиум, 2004. — Т. 4. — 782 с.

Ремизов А. М. Огонь вещей: сны и предсонье. — Париж: Оплешник, 1954. — 226 с.

Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевичам. — М.: Лабиринт, 1994. — 112 с.

Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. — Л.: Мысль, 1924. — 160 с.

Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Сogласие, 1996–1997. — Т. 2. — 507 с.

REFERENCES

- Bunin I. A.* Osvobozhdenie Tolstogo. — Paris: YMCA-PRESS, 1937. — 261 s.
- Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. — M.: Russkiy yazyk — Media, 2003. — T. 1. — 699 s.
- Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. — M.: Russkiy yazyk — Media, 2003. — T. 4. — 683 s.
- Ermakov I. D.* Ocherki po psikhoanalizu tvorchestva N. V. Gogolya. — M.; Petrograd : Gosizdat, 1924. — 178 s.
- Zaytsev B. K.* Sobr. soch.: v 5 t. — M.: Russkaya kniga, 1999. — T. 5. — 544 s.
- Il'in I. A.* Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950) / sost., vstup. st. i komment. Yu. T. Lisitsy. — M.: Russkaya kniga, 2000. — T. 3. — 525 s. — (Sobranie sochineniy).
- Nabokov V. V.* Russkiy period: sobr. soch.: v 5 t. / sost. N. Artemenko-Tolstoy; predisl. A. Dolinina; prim. O. Skonechnoy, A. Dolinina, Yu. Levinga, G. Glushanok. — SPb.: Simpozium, 2004. — T. 4. — 782 s.
- Remizov A. M.* Ogon' veshchey: sny i predson'e. — Parizh: Opleshnik, 1954. — 226 s.
- Surat I. Z.* Pushkinist Vladislav Khodasevicham. — M.: Labirint, 1994. — 112 s.
- Khodasevich V.* Poeticheskoe khozyaystvo Pushkina. — L.: Mysl', 1924. — 160 s.
- Khodasevich V. F.* Sobr. soch.: v 4 t. — M.: Soglasie, 1996–1997. — T. 2. — 507 s.

Данные об авторе

Наталья Леонидовна Блиц — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Белорусский государственный университет (Минск).

Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Карла Маркса, 31.

E-mail: blichh@list.ru.

About the author

Natalia Leonidovna Blishch — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, Belarusian State University (Minsk).